

Емельянов Е. П. Формирование исторических взглядов Н. В. Устюгова в период обучения в Московском университете / Е. П. Емельянов // Научный диалог. — 2015. — № 5 (41). — С. 77—93.

УДК 930.1“1896/1947”

Формирование исторических взглядов Н. В. Устюгова в период обучения в Московском университете

© **Емельянов Евгений Павлович (2015)**, ассистент, кафедры зарубежного регионоведения, Институт социальных и политических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург), sverdlovsk89@mail.ru.

Рассматривается формирование исторических взглядов Н. В. Устюгова в период его обучения на факультете общественных наук Московского университета в 1922—1924 гг. Раскрываются социально-политические условия его поступления в университет и дальнейшего обучения. Анализируется список курсов, прослушанных Устюговым во время обучения. Выделяется четыре блока дисциплин, различавшихся по цели и методике преподавания: идейно-политический, экономико-статистический, исторический и педагогический. Показывается особое внимание со стороны руководства факультета к предметам первого блока, читавшимся представителями «красной профессуры». Выявляется незначительное влияние предметов данного блока на формирование научных взглядов Устюгова. Устанавливается, что его мировоззрение складывалось преимущественно под влиянием представителей дореволюционной профессуры, читавших предметы исторического блока. Выявляется значение семинарских занятий историков «старой школы» Д. М. Петрушевского и В. И. Пичеты для формирования научных взглядов Устюгова. Анализируется участие Устюгова в таких семинарах. Показано, что он проявлял большую активность в изучении основ исторической науки. Прослеживается влияние позитивистской методологии историков «старой шко-

лы» на научное творчество Устюгова, проявляющееся в акцентировании социально-экономических и социально-психологических факторов исторического процесса.

Ключевые слова: Николай Владимирович Устюгов; позитивизм; Московский университет; факультет общественных наук; Дмитрий Моисеевич Петрушевский; Владимир Иванович Пичета.

Профессор Московского Историко-архивного института (МГИАИ) Николай Владимирович Устюгов (1896/97—1963) внёс значительный вклад в изучение отечественной истории XVII—XVIII вв. Совмещая преподавание в Историко-архивном институте с научной работой в Институте истории АН ССР, он активно разрабатывал вопросы социально-экономической истории России и истории народов СССР. Занимаясь изучением данных тем, он сформулировал концепции раннего генезиса капитализма в России и «свободного вассалитета» башкир, которые в дальнейшем активно разрабатывались представителями его научной школы, сформировавшейся среди студентов МГИАИ [Буганов и др, 1980; Демидова, 1957].

Но прежде чем приступить к профессиональным занятиям исторической наукой, Устюгову пришлось преодолеть серьёзные препятствия. Будучи сыном сельского священника из Оренбургской губернии, Устюгов окончил в 1918 году Оренбургскую семинарию и в том же году поступил на историко-филологический факультет Томского университета [НА ИРИ РАН. Ф. 10. Ед. хр. 45. Л. 65]. Но материальные затруднения и отсутствие работы в Томске вынудили его прервать обучение и поступить на должность учителя в железнодорожные школы вначале в Оренбургской, а позднее в Томской губернии [АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 50. Л. 6]. В 1920 году Устюгов был призван в Красную армию, так как руководство железной дороги не оформило для него документы, освобождавшие от призыва. Находясь в армии, Устюгов проходил службу в челябинской комиссии по борьбе с дезертирством и челябинском уездном военкомате. В сентябре 1921 года он получил должность преподавателя на 97-х пехотных

учебных курсах, расквартированных в Челябинске [НА ИРИ РАН. Ф. 10. Ед. хр. 45. Л. 63об].

В том же 1921 году началась кампания по пролетаризации высшего образования, в ходе которой право преимущественного поступления в вузы предоставлялось абитуриентам, командированным на учёбу партийными, профсоюзными и комсомольскими организациями [Андреев, 2007, с. 272—273]. Несмотря на то, что родители Устюгова принадлежали к духовному сословию, а сам он никогда не состоял ни в партии, ни в комсомоле, именно эта кампания помогла ему стать студентом университета. Это было связано с тем, что приоритетом при поступлении, наряду с вышеназванными категориями лиц, обладали и красноармейцы. В конце 1921 года руководство курсов направило Устюгова по его просьбе на учёбу в Московский университет, носивший в то время название 1-го МГУ. Юридически его поступление было оформлено как перевод из Томского университета на второй курс МГУ, и в феврале 1922 года он приступил к занятиям на общественно-педагогическом отделении факультета общественных наук (далее ФОН) [НА ИРИ РАН. Ф. 10. Ед. хр. 45. Л. 68].

Общественно-педагогическое отделение до марта 1921 года носило название исторического и было переименовано в связи с изданием декрета Совета Народных Комиссаров (СНК) «О плане организации факультетов общественных наук российских университетов», по которому исторические и филологические отделения подлежали упразднению [Иванова, 1968, с. 20]. Целью отделения провозглашалась подготовка учителей общественнознания, заменявшего в советской школе курс истории. Переименование отделения сопровождалось коренными изменениями в учебной программе, связанными со стремлением большевистской партии установить идеологический контроль над высшей школой.

Анализируя зачётную книжку Устюгова, мы выделили в учебной программе отделения четыре блока дисциплин, различавшихся по цели и методике преподавания: идейно-политический, экономико-

статистический, исторический и педагогический. Наибольшее значение придавалось предметам первого блока, которые должны были читаться преподавателями-коммунистами. К ним относились курсы по истории социализма, истории первобытной культуры и учению о происхождении и развитии общественных форм, истории русской революции, истории Запада XIX века и истории рабочего движения, преподававшиеся соответственно деканом факультета общественных наук (ФОН) В. П. Волгиным, П. Ф. Преображенским, В. Н. Сторожевым, Н. М. Лукиным и В. Я. Яроцким [АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 1об]. Также, наряду с историческими дисциплинами, к данному блоку относились курсы исторического материализма, читавшегося Н. И. Бухариным; экономической политики СССР, преподававшейся М. Г. Бронским; государственного права и государственного устройства РСФСР, читавшихся Д. А. Магеровским, и семинар по историческому материализму повышенного типа, руководителем которого был С. С. Кривцов [Там же. Лл. 1о-2об.]. Кроме вышеназванных предметов, к идейно-политическому блоку можно отнести философские и экономические курсы, преподаватели которых не были членами партии большевиков и применяли марксизм не как идеологию, а как научную теорию. К ним относились курсы политической экономии капитализма, преподававшейся И. А. Трахтенбергом; логики и методологии общественных наук, читавшейся Г. О. Гордоном; истории мировоззрений, читавшейся А. В. Кубицким, и семинар по диалектическому материализму, руководителем которого была Л. И. Аксельрод. К предметам первого блока примыкали и два курса, которые мы выделили в отдельный экономико-статистический блок: теория статистики, преподававшаяся активным членом партии эсеров П. А. Вихляевым, и семинар по политической экономии, руководителем которого был бывший депутат Государственной думы и министр путей сообщения в составе Временного правительства Н. В. Некрасов, работавший под псевдонимом В. А. Голгофский [Там же. Лл. 1о-2об.]. Вероятно, по замыслам составителей учебной

программы, эти курсы также должны были служить цели идейно-политического воспитания студентов, но, поскольку их преподаватели были далеки от любых разновидностей марксизма, мы посчитали невозможным отнести их к идейно-политическому блоку.

Стремясь минимизировать влияние представителей «старой профессуры» на студенчество и столкнувшись с острой нехваткой специалистов-коммунистов, руководство ФОН 1-го МГУ сделало обязательными лекционные курсы по всем историческим предметам, за исключением истории России XIX—XX вв. и истории Запада за тот же хронологический отрезок [Иванова, 1968, с. 30]. В качестве обязательных предметов руководством ФОН устанавливались курсы, которые должны были преподаваться коммунистами и давать идейно-политическое воспитание: исторический материализм, политическая экономия, история развития общественных форм, история России и история Запада в XIX—XX вв., экономика переходного периода [Иванова, 1968, с. 24]. Однако членов коммунистической партии, пригодных к преподаванию в высшей школе, остро не хватало, поэтому весной 1922 года Устюгову курс истории России в первой половине XIX века читал бывший член ЦК кадетской партии, один из крупнейших представителей московской исторической школы — А. А. Кизеветтер [АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 1об]. Принципиально немарксистское содержание этого курса заставляет нас отнести его к следующему блоку учебных дисциплин — собственно историческому.

Большая часть предметов этого блока выбиралась самими студентами, и перечень исторических курсов, прослушанных Устюговым, позволяет выявить его научные интересы в период обучения в высшей школе. Кроме курса Кизеветтера, в весеннем и летнем триместрах 1922 года он прослушал курсы по истории Греции, истории Римской империи и истории средних веков, читавшиеся соответственно Д. Н. Егоровым, В. С. Сергеевым и Д. М. Петрушевским [Там же. Л. 1об]. В 1922—1923 учебном году Устюгов прослушал

курсы по удельному периоду русской истории, истории России XVI—XVII вв., методологии истории и общей экономической истории средних веков, преподававшиеся соответственно С. В. Бахрушиным, М. М. Богословским, А. И. Яковлевым и Д. М. Петрушевским [Там же. Л. 1об]. Из лекционных курсов, выбранных Устюговым в 1923—1924 учебном году, к историческому блоку могут быть отнесены только курсы по экономической истории России XIX века и истории рабочего класса в Англии в средние века, читавшиеся соответственно В. Н. Бочкарёвым и Е. А. Косминским.

Относительно небольшое количество лекционных курсов в учебной программе студентов ФОН повышало значение учебных семинаров, традиционной формой которых в то время являлось обсуждение докладов, подготовленных студентами по темам, определённым руководителем семинара [Чанбарисов, 1973, с. 427—429]. При этом нередко в роли руководителей семинаров выступали выдающиеся учёные-историки. Весной 1922 года одновременно с прослушиванием лекционного курса А. А. Кизеветтера Устюгов принимал участие в работе его семинара по истории сословий [АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 1об]. В 1922—1923 учебном году он занимался у С. В. Бахрушина на семинаре по удельному периоду русской истории, где он выполнил работы «Бояре и слуги вольные в удельную эпоху» и «Управление Московским государством в эпоху Владислава (1610—16120)» [АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 50. Л. 6об], и в просеминарии Е. В. Оловянишниковой по экономической и культурной истории средних веков. В 1923—1924 учебном году именно семинары составили основную часть выбранных им учебных дисциплин. В это время он принимал участие в семинарах А. И. Яковлева по земскому положению 1864 года и политическим проектам эпохи Александра I, где горячо отстаивал научность и объективность в изучении истории. Его соученица А. Б. Закс, вспоминая о работе участников семинара, посвященного эпохе Александра I, писала: «Хотя тема звучала довольно сухо и академично <...> в аудитории горели страсти. Одна

группа участников семинара, считая себя марксистами, увлечённая трудами М. Н. Покровского, критиковала «старых» историков, провозглашала прямую зависимость надстройки от базиса и классовую борьбу единственным двигателем процесса. Их лидером был студент Я., державшийся довольно нахально: ругал «фактологию» и сыпал цитатами из Маркса-Ленина-Покровского. Его ярким оппонентом был будущий известный историк Н. В. Устюгов. Внешне он проигрывал, в сравнении с высоким, громкоголосым Я. Худенький, с острой бородкой и небольшими умными глазами. Он поражал не только знанием фактического материала, но и умением создать образ «действующих лиц». Возникало впечатление, что он лично знаком со всеми — от царя до крестьянина. Он единственный из всех нас использовал для своего доклада архивные материалы. Семинар нередко посещали студенты других отделений, желающие послушать «классовую борьбу» на яковлевском семинаре» [Закс, 1995, с. 199].

В то время многие семинары продолжались в течение нескольких лет и становились серьёзной научной школой для студентов разных курсов, совместно работавших на семинарских занятиях. К числу таких семинаров принадлежали семинары В. И. Пичеты по аграрному развитию России XIX столетия и Д. М. Петрушевского по помещичьему строю раннего средневековья. В семинаре Пичеты Устюгов занимался с 1922 по 1924 гг. и был секретарём семинара. В осеннем триместре 1922—1923 учебного года семинар носил исключительно учебный характер и был посвящён подготовке крестьянской реформы 1861 года. Его форма была традиционной и заключалась в подготовке докладов по темам, предложенным руководителем семинара. В то время как остальные участники сделали в осеннем триместре по одному докладу, Устюгов сделал два доклада, посвящённых основным моментам крестьянской реформы и подготовке реформы в освещении Покровского [АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 48. Л. 1 об.].

В весеннем триместре доклады участников семинара стали заметно серьёзнее, и он приобрел научный характер. В этом триместре

Устюгов продолжил проявлять большую активность среди участников семинара и выступил с шестью докладами, в то время как большинство участников вновь сделали по одному выступлению. На первых заседаниях семинара в весеннем триместре Устюгов выступил с докладами о позиции «Современника» в крестьянском вопросе в 1857—1859 гг. и об организации крестьянского самоуправления по Положению 19 февраля 1861 года. При этом язвительные замечания о Положении, сделанные им во втором докладе, вызвали критику со стороны Пичеты, подводившего итоги каждого заседания семинара. Он заметил, что своим хлестким тоном Устюгов ослабил силу тех выводов, которые естественно вытекали из его работы [АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 48. Лл. 2-2 об]. Следует отметить, что Пичета был последовательным сторонником научной объективности и противником априорности оценок и нигилистического отношения к прошлому, набиравших силу в исторической науке в связи с утверждением советской версии марксизма. Когда одна из участниц семинара В. В. Овчинникова выступила со слабо подготовленным докладом, он сделал ей ряд критических замечаний и назначил официальных оппонентов — Н. В. Устюгова и В. Г. Бакулину. Критикуя доклад, Пичета заметил: «Историческая наука конкретна — нужно отталкиваться от факта. Первая часть работы Овчинниковой — теоретическое введение с некоторым уклоном в сторону марксизма. Это введение является излишним, так как даётся оценка явления, ещё не проанализированного. Теоретические выводы могут быть сделаны только в конце, как то, что вытекает из работы» [Там же. Лл. 4-5об.]. Устюгов, разбирая доклад Овчинниковой, указал на неточные ссылки и неверное истолкование отдельных статей Положения 19 февраля 1861 года. Кроме критического разбора доклада Овчинниковой и выступления с двумя вышеназванными работами, он подготовил в этом триместре ещё четыре доклада, посвящённые проектам крестьянской реформы помещиков нечернозёмной полосы А. М. Унковского и Н. Н. Ютчева, проекту степного помещика Н. Чекалова и сравнению проектов

А. И. Кошелёва, А. М. Унковского и Н. Г. Чернышевского [Там же. Лл. 4, 5об., 9об., 14об., 18].

В 1923—1924 учебном году семинар Пичеты был посвящён аграрному развитию пореформенной России. Как и в предыдущие trimestры, Устюгов проявлял в новом учебном году наибольшую среди прочих активность, сделав два доклада и выступив с критическими замечаниями в адрес доклада одного из участников семинара (все остальные участники сделали один доклад). На втором заседании семинара Устюгов сделал доклад о сельскохозяйственной промышленности в Курганском уезде в начале XX века по данным Курганского уездного совещания и Тобольского губернского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности. В своём резюмирующем замечании Пичета крайне высоко оценил его работу, подчеркнув совершенство, с которым она выполнена, и сказав: «Против неё нечего возразить ни с точки зрения использованного материала, ни со стороны метода. В докладе нет ничего недоговорённого, и в нём не сказано ни одного лишнего слова. В результате — ясное и отчётливое представление о сельскохозяйственной промышленности края даже для тех, кто совершенно не знаком с Курганским уездом» [АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 48. Л. 26]. Через месяц после выступления с докладом о сельском хозяйстве Курганского уезда, в декабре 1923 года, Устюгов сделал доклад по вопросу о землевладении и землепользовании в Минском уездном комитете о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Пичета вновь высоко оценил его работу, заметив при этом, что последняя фраза доклада «В трудах комитета не слышно голоса крестьянства» не вытекает логически из доклада и является излишней. По мнению Пичеты, имевшиеся источники не давали достаточно материала для того, чтобы строить предположения о мнениях крестьян по данному вопросу [Там же. Л. 29].

Наряду с историей русского крестьянства XIX столетия, в центре внимания Устюгова в тот период находилась аграрная история западноевропейского средневековья, изучавшаяся им в 1922—1924 гг.

в вышеназванном семинаре Петрушевского. В то время в семинаре Петрушевского анализировался Сен-Жерменский полиптик начала IX века, содержащий описание владений Сен-Жерменского аббатства в северной Франции. Занимавшийся одновременно с Устюговым известный медиевист А. И. Неусыхин позднее вспоминал, что каждый участник семинара делал доклад по одной из глав памятника, который обсуждался остальными участниками, изучавшими другие главы. Поскольку различные имения аббатства по своей структуре были не похожи друг на друга, то и выводы докладчиков существенно отличались, что толкало каждого на изучение других глав полиптика. При этом, по воспоминаниям Неусыхина, «не все принимались за это с такой тщательностью и добросовестностью, как Н. В. Устюгов: в течение двух лет он, переходя от одной главы памятника к другой, изучил весь полиптик, стремясь установить закономерности в различиях между разными поместьями и применяя для этой цели статистический метод (подсчёты натуральных и денежных оброков с разных категорий мансов и количественного соотношения самих этих категорий в различных имениях), а также исследование терминологии памятника... Н. В. Устюгов <...> столь активно участвовал в описанном семинаре потому, что совершенно правильно считал полезным для специалиста по русской экономической истории знать аграрную историю западной Европы и методику её изучения по источникам. Мы все, его товарищи, зная это, особенно ценили его работу над полиптиком, о которой высоко отзывался и руководитель семинария. Николай Владимирович пользовался среди нас заслуженным авторитетом» [Неусыхин, 1966, с. 23—24.]. Всего за время занятий у Петрушевского Устюгов выполнил четыре доклада, которые были высоко оценены руководителем семинара [АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 50. Л. 10].

Несмотря на то, что официальной целью отделения являлась подготовка учителей обществознания, шесть дисциплин, отнесённых нами к педагогическому блоку, составляли небольшую долю среди

учебных курсов, выбранных Устюговым. Марксистом-ленинцем среди преподавателей этого блока был только К. Н. Корнилов, читавший курс по теоретической педагогике и руководивший семинаром по трудовой школе. Другие преподаватели, читавшие курсы педагогического блока, принадлежали к учёным «старой школы» и марксистской методологии не придерживались. Единственным педагогом среди них был Н. Г. Тарасов, руководивший семинаром по методике общественнознания и много лет преподававший в одной из московских гимназий и Педагогическом институте имени П. Г. Шелапутина. Однако это не означает, что другие преподаватели этого блока были непрофессионалами и обладали низкой квалификацией. Б. И. Сыромятников, читавший курс по истории народного образования в России в связи с историей образования и педагогической мысли на Западе, был незаурядным историком; А. Г. Цирес, руководивший семинаром по педагогике и психологии мышления, был талантливым философом и искусствоведом; Г. И. Челпанов, читавший курс психологии, являлся одним из крупнейших представителей московской психологической школы [АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 12. Лл. 1-2.].

В начале 1920-х гг. на факультете общественных наук сохранялась предметная система обучения, введённая в Московском университете ещё в 1906 году. Согласно ей студенты сами определяли сроки прохождения учебного плана, записываясь в начале триместра на те курсы, которые они желали прослушать [Перковская, 2005, с. 180—181; Нусыхин, 1966, с. 23]. Напряжённо занимаясь освоением университетской программы, Устюгов выполнил учебный план за два года и в мае 1924 года закончил ФОН 1-го МГУ. Во время обучения он сдал все экзамены на высшую оценку «весьма удовлетворительно». Исключением был только экзамен по государственному устройству РСФСР, на котором он получил оценку «удовлетворительно», аналогичную современной оценке «хорошо» [АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 12. Лл. 1-2.].

Годы его обучения университете стали временем утверждения марксизма в историографии и историческом образовании. Это позво-

лило основоположнику генерационного подхода к изучению истории советской исторической науки Л. А. Сидоровой отнести Устюгова к первому марксистскому поколению отечественных историков [Сидорова, 2008, с. 121]. Однако выделяемые ей характерные особенности этого поколения: догматическая модель использования марксизма, доминирование партийно-классового подхода при изучении и оценке исторических явлений, — не прослеживаются в творчестве Устюгова, что отмечает и сама Сидорова, показывающая его творческий подход к использованию марксистской теории при изучении вопроса о генезисе капитализма в России [Сидорова, 2008, с. 101—103, 121—124].

В связи с этим нам представляется плодотворной мысль Сидоровой о неоднородности первого марксистского поколения историков: «Младшая ветвь первого поколения советских историков, представителями которой можно назвать Добиаш-Рождественскую, Косминского, Неусыхина, Сказкина, А. Д. Удальцова и др., использовала в своих исследованиях марксистскую методологию, но в своём отношении к ней акцентировала внимание на её эвристическом потенциале» [Сидорова, 2005, с. 351]. Правда, на наш взгляд, эта неоднородность была связана не с возрастным, а с академическим признаком. Доминирование догматизма и партийности являлось характерной чертой тех представителей первого марксистского поколения, которые получили высшее образование в институтах красной профессуры и коммунистических университетах. В свою очередь, объективность, опора на факты и стремление творчески использовать идеи марксизма были характерны для тех представителей первого марксистского поколения, которые являлись выпускниками классических университетов. И хотя во время обучения они также подвергались влиянию советской версии марксизма, это воздействие компенсировалось получением профессиональной подготовки на занятиях учёных «старой школы».

В годы обучения в университете именно историки «старой школы», а не «красные профессора» оказали наибольшее влияние на

Устюгова, называвшего своими учителями в исторической науке Д. М. Петрушевского и В. И. Пичету [Черепнин, 1984, с. 314]. При этом марксистская методология почти не оказывала влияния на творчество этих историков, являвшихся сторонниками позитивизма. Характерной чертой позитивистского подхода к прошлому являлось признание многофакторности исторического процесса, проявляющейся в равном влиянии социально-экономических и социально-психологических явлений на ход истории и научные труды [Репина и др., 2004, с. 178—181].

Рассмотрение первых самостоятельных трудов Устюгова позволяет говорить о значительном воздействии позитивистской методологии на его раннее научное творчество. Примером этого может служить его работа «Увольнение крестьян в свободные хлебопашцы по духовному завещанию», опубликованная в 1947 году. Данная статья писалась Устюговым в конце 1920-х — начале 1930-х гг., в тот период, когда основной темой его исследований была история русского крестьянства XIX века [АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 50. Л. 1; Ф. 1535. Оп. 4. Ед. хр. 13. Лл. 12-12об.] Объясняя в данной работе непоследовательность правительственной политики в вопросе об отмене крепостного права, Устюгов не упоминал о диалектике производительных сил и производственных отношений и не акцентировал роль классовой борьбы. Зато он подчёркивал социально-психологические причины непоследовательности данной политики и писал, что правительство понимало невыгодность крепостного права и его политическую опасность, но его удерживала от реформ боязнь ликвидировать одним ударом отношения, сложившиеся веками [Устюгов, 1947, с. 143].

В дальнейших работах Устюгова позитивистская методология его учителей постепенно вытесняется марксизмом. Но, приняв марксистскую методологию, Устюгов в своём творчестве акцентировал не классовую борьбу, а социально-экономический детерминизм, роднящий марксизм с позитивизмом, что позволяет говорить о значитель-

ном влиянии историков «старой школы» на формирование его взглядов на исторический процесс.

Источники и принятые сокращения

АРАН — Архив РАН.

Ф. 1535 — Фонд Н. В. Устюгова

Оп. 2. Ед. хр. 12, 48, 50.

Оп. 4. Ед. хр. 13.

НА ИРИ РАН — Научный архив Института российской истории РАН.

Ф. 10. — Личные дела сотрудников Института истории АН СССР.

Ед. хр. 45.

Литература

1. *Андреев Д. А.* «Красное студенчество» в 1921—1924 гг. : контуры образа / Д. А. Андреев // Диалог со временем. — 2007. — Вып. 20. — С. 270—285.

2. *Буганов В. И.* Эволюция феодализма в России : социально-экономические проблемы / В. И. Буганов, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. — Москва : Мысль, 1980. — 344 с.

3. *Демидова Н. Ф.* Башкирское восстание 1735—1736 гг. : автореферат диссертации... кандидата исторических наук / Н. Ф. Демидова. — Москва, 1956. — 16 с.

4. *Закс А. Б.* Факультет общественных наук МГУ (1921—1924) : из воспоминаний историка / А. Б. Закс // Археографический ежегодник (1993). — Москва : Наука, 1995. — С. 197—202.

5. *Иванова Л. В.* У истоков советской исторической науки (подготовка кадров историков-марксистов в 1917—1929 гг.) / Л. В. Иванова. — Москва : Мысль, 1968. — 197 с.

6. *Неусыхин А. И.* Несколько воспоминаний о встречах с Н. В. Устюговым / А. И. Неусыхин // Города феодальной России. — Москва : Наука, 1966. — С. 23—25.

7. *Перковская Г. А.* Развитие исторического образования в университетах России во второй половине XVIII — начале XX вв. : диссертация... кандидата исторических наук / Г. А. Перковская. — Ставрополь, 2005. — 260 с.

8. *Репина Л. П.* История исторического знания / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. — Москва : Дрофа, 2004. — 288 с.

9. *Сидорова Л. А.* Проблема смены поколений в исторической науке : первое поколение советских историков и его характеристики / Л. А. Сидорова

рова // Очерки истории отечественной исторической науки XX в. — Омск : Изд-во ОмГУ, 2005. — С. 343—360.

10. *Сидорова Л. А.* Советская историческая наука середины XX в. : синтез трёх поколений историков / Л. А. Сидорова. — Москва : ИРИ РАН, 2008. — 296 с.

11. *Устюгов Н. В.* Увольнение крестьян в свободные хлебопашцы по духовному завещанию / Н. В. Устюгов // Труды Историко-архивного института. — 1947. — Т. 3. — С. 142—169.

12. *Чанбарисов Ш. Х.* Формирование советской университетской системы / Ш. Х. Чанбарисов. — Уфа : Баш. кн. изд-во, 1973. — 471 с.

13. *Черепнин Л. В.* К 10-летию со дня смерти Н. В. Устюгова / Л. В. Черепнин. В книге : Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII—XX вв. / Л. В. Черепнин. — Москва : Наука, 1984. — С. 314—315.

Forming of N V. Ustyugov's Historical Views when Studying at Moscow University

© **Yemelyanov Yevgeny Pavlovich (2015)**, assistant lecturer, Department of Foreign Region Studies, Institute of Social and Political Studies, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, sverdlovsk89@mail.ru.

Forming of N. V. Ustyugov's historical views during his studying at the faculty of social sciences of Moscow University in 1922—1924 is considered. Social and political conditions of his University entrance and further education are revealed. The list of courses attended by Ustyugov during studying is analysed. Four blocks of disciplines ranging in purpose and teaching methods are distinguished: ideological and political, economic and statistical, historical and pedagogical. Special attention of the leadership of the faculty to the subjects of the first block lectured by the agents of "red professors" is shown. The little impact of the subjects from that block to the formation of Ustyugov's scientific views is revealed. It is established that his worldview is formed mostly under the influence of representatives of pre-revolutionary professors who lectured on the historical bloc. The importance of seminars by historians of "old school" D. M. Petrushevsky and V. I. Picheta for the formation of Ustyugov's scientific views is revealed.

Ustyugov's participation in such seminars is analysed. It is shown that he was very active in the study of the foundations of historical science. The influence of the positivist methodology of historians of "old school" for Ustyugov's scientific work is shown, manifested in the emphasis on the socio-economic and socio-psychological factors of the historical process.

Key words: Nikolay Vladimirovich Ustyugov; positivism; Moscow University; Faculty of Social Sciences; Dmitry Moiseyevich Petrushevsky; Vladimir Ivanovich Picheta.

References

- Andreev, D. A. 2007. «Krasnoe studenchestvo» v 1921—1924 gg.: kontury obrazaza. *Dialog so vremenem*, 20: 270—285. (In Russ.).
- Buganov, V. I., Preobrazhenskiy A. A., Tikhonov Yu. A. 1980. *Evolyutsiya feodalizma v Rossii: sotsial'no-ekonomicheskie problemy*. Moskva: Mysl'. (In Russ.).
- Chanbarisov, Sh. Kh. 1973. *Formirovanie sovetskoj universitetskoy sistemy*. Ufa: Bash. kn. izd-vo. (In Russ.).
- Cherepnin, L. V. 1984. K 10-letiyu so dnya smerti N. V. Ustyugova. In: Cherepnin, L. V. *Otechestvennye istoriki XVIII—XX vv.* Moskva: Nauka. 314—315. (In Russ.).
- Demidova, N. F. 1956. *Bashkirskoe vosstanie 1735—1736 gg.: avtoreferat dissertatsii... kandidata istoricheskikh nauk*. Moskva. (In Russ.).
- Ivanova, L. V. 1968. *U istokov sovetskoj istoricheskoy nauki (podgotovka kadrov istorikov-marksistov v 1917—1929 gg.)*. Moskva: Mysl'. (In Russ.).
- Neusykhin, A. I. 1966. Neskol'ko vospominaniy o vstrechakh s N. V. Ustyugovym. *Goroda feodal'noy Rossii*. Moskva: Nauka, 23—25. (In Russ.).
- Perkovskaya, G. A. 2005. *Razvitie istoricheskogo obrazovaniya v universitetakh Rossii vo vtoroy polovine XVIII — nachale XX vv.: dissertatsiya... kandidata istoricheskikh nauk*. Stavropol'. (In Russ.).
- Repina, L. P., Zvereva, V. V., Paramonova, M. Yu. 2004. *Istoriya istoricheskogo znaniya*. Moskva: Drofa. (In Russ.).
- Sidorova, L. A. 2005. Problema smeny pokoleniy v istoricheskoy nauke: pervoe pokolenie sovetskikh istorikov i ego kharakteristiki. *Ocherki istorii otechestvennoy istoricheskoy nauki XX v.* Omsk: Izd-vo OmGU. 343—360. (In Russ.).
- Sidorova, L. A. 2008. *Sovetskaya istoricheskaya nauka serediny XX v.: sintez trekh pokoleniy istorikov*. Moskva: IRI RAN. (In Russ.).

- Ustyugov, N. V. 1947. Uvol'nenie krest'yan v svobodnye khlebopashtsy po dukhovnomu zaveshchaniyu. *Trudy Istoriko-arkhivnogo instituta*, 3: 142—169. (In Russ.).
- Zaks, A. B. 1995. Fakul'tet obshchestvennykh nauk MGU (1921—1924): iz vospominaniy istorika. *Arkheograficheskiy ezhegodnik (1993)*. Moskva: Nauka. 197—202. (In Russ.).